

ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УГРОЗ ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ

Виктор САПРЫКА, Александр ПАСТЮК, Валерий СОЛОХА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: В статье рассматривается потенциал общественной дипломатии для снижения социокультурных угроз регионам, расположенным на западных границах России. Ключевая проблема в контексте трансформации постсоветского социокультурного ландшафта заключается в том, что на уровне приграничного взаимодействия общественная дипломатия приобретает особый смысл и значимый потенциал. Социокультурная близость локальных и этнических сообществ приграничья существенно повышает возможности для общественной дипломатии в формате культурного обмена. Выступая в качестве инструмента достижения целей внешней политики, общественная дипломатия может быть использована в практике разрешения международных конфликтов и угроз. Впервые приведены результаты социологической диагностики осведомленности и готовности населения приграничных территорий принимать участие в реализации проектов общественной дипломатии, а также эффективности деятельности релевантных некоммерческих организаций. В статье представлена конкретизация направлений и форм общественной дипломатии

Виктор Александрович Сапрыка — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

ORCID: 0000-0003-0506-3644. E-mail: sapryka@bsu.edu.ru
308015, Белгород, ул. Победы, д. 85, корп. 12.

Александр Владимирович Пастюк — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

ORCID: 0000-0002-5276-354X. E-mail: pastyuk_a@bsu.edu.ru
308015, Белгород, ул. Победы, д. 85, корп. 12.

Валерий Викторович Солоха — соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: 1266436@bsu.edu.ru
308015, Белгород, ул. Победы, д. 85, корп. 12.

Поступила в редакцию: 01.03.2022

Принята к публикации: 18.01.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук МД 578.2020.6 «Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе».

на региональном уровне при приграничном взаимодействии Евразийского союза, отмечается значимость развития побратимских связей для приграничных городов, подчеркивается важность практики общественной дипломатии как на уровне некоммерческих организаций, так и в форме трансграничной коммуникации населения. Пристальное внимание уделено взаимодействию культур и этносов приграничных регионов, некогда единых общностей, разделенных государственными границами. Авторами затрагиваются социокультурные угрозы пространства фронта – незримой области, в пределах которой распространяется общность этнокультурной идентичности населения, выходящая за пределы государственных границ. В заключении представлены выводы об основных результатах и рекомендации, которые позволяют повысить эффективность реализации проектов общественной дипломатии в приграничных регионах и направить деятельность ее субъектов на снижение социокультурных угроз, характерных для западных приграничных регионов России.

Ключевые слова: общественная дипломатия, приграничные регионы, международное сотрудничество, приграничное взаимодействие, социокультурные угрозы, некоммерческие организации, социальные проекты

Введение

В последние десятилетия международные отношения не ограничиваются привычным инструментарием классической дипломатии. Внедряются новые подходы и методы, нацеленные на международное взаимодействие не только официальных органов власти, но и общественных структур, научного и экспертного сообществ. Всю совокупность форм и инструментов современной неклассической дипломатии в западных источниках объединяют в рамках общей концепции «мягкой силы» – способности добиваться желаемого на международной арене на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения (Nye, 2004).

В этом отношении значение приобретает общественная дипломатия как форма международного взаимодействия общественных организаций (НКО), поскольку зачастую именно негосударственные субъекты наиболее эффективны в реализации международных проектов в области культуры, информации и гуманитарной сферы. Вместе с тем, общественная дипломатия имеет большой потенциал не только для достижения внешнеполитических целей, но и для снижения угроз, которые приобретают особую значимость в контексте трансформации постсоветского социокультурного ландшафта.

Общественная дипломатия особенно важна на уровне приграничного взаимодействия. Во-первых, близость границы и, как следствие, наличие больших возможностей для межкультурной коммуникации способствуют снижению издержек при реализации проектов общественной дипломатии. Во-вторых, для приграничья характерна социокультурная близость локальных и / или этнических сообществ по обе стороны границы, что существенно повышает потенциал для общественной дипломатии в формате культурного обмена.

С учетом весьма разрозненного опыта разработки и реализации проектов общественной дипломатии в приграничных регионах России (из-за отсутствия единой модели общественной дипломатии, на которую могли бы ориентироваться все регионы, и существенных различий в специфике приграничного взаимодействия на каждом отдельном участке границы) возникает необходимость в актуализации инструментария общественной дипломатии на приграничном пространстве и выделении наиболее эффективных практик ее реализации в регионах России. В этом заключается цель настоящей статьи.

Методология исследования

Объектом исследования послужили приграничные регионы России, расположенные на западных границах страны от Мурманской до Ростовской областей включительно. Предметом исследования выступает общественная дипломатия, реализуемая на пространстве западных границ России. Именно на данной территории проявляется наибольшее число различных моделей приграничного взаимодействия. Так, например, для российско-финляндского приграничья характерна высокая роль интеграционной функции границы с последовательным наращиванием практики реализации проектов общественной дипломатии (Шлапеко, 2018). В свою очередь, в российско-белорусском приграничье можно зафиксировать один из самых высоких уровней контактности, причем Российская Федерация и Республика Беларусь граничат территориями, являющимися «аутсайдерами» в социально-экономическом развитии (Межевич, Болотов, 2021). Для российско-украинского приграничья, напротив, характерен высокий уровень развития экономики. Например, Белгородская область является одним из наиболее эффективных сельскохозяйственных регионов России, а Харьковская область выступает одним из промышленных центров Украины. Несмотря на это, международные противоречия последних лет обусловили многократное усиление барьерной функции границы (Сапрыка, Бабинцев, Вавилов, 2019).

В зарубежных исследованиях понятия «публичная дипломатия» и «общественная» являются тождественными и объединены общим термином *“public diplomacy”*, под которым понимается политика воздействия одного государства на общество другого (других) государства (Snow, Taylor, 2009), реализуемое в формах, не характерных для классической межгосударственной дипломатии (Cull, 2009; Darnton, 2020). При этом такого рода взаимодействие может осуществляться как государственными, так и негосударственными акторами (Cull, 2009; Darnton, 2020). В работах российских ученых общественная дипломатия выделяется в качестве отдельного явления. При этом нет единства и касательно субъектов общественной дипломатии. В одних случаях в качестве акторов рассматривается все гражданское общество: «гражданское общество активно включается в формирование современного мироустройства и международных отношений, а значит, приходится отказываться от классической формулы, в соответствии с которой дипломатия

является наукой о взаимоотношениях государств и их руководителей» (Торкунов, 2006). В других случаях речь идет только о взаимодействии общественных организаций: «общественная дипломатия – это деятельность независимых от государства некоммерческих организаций, направленная на достижение уставных целей» (Мухаметов, 2013).

В настоящей работе общественная дипломатия понимается как деятельность общественных организаций, направленная на защиту внешнеполитических целей и интересов государства, формирование позитивного восприятия государственных институтов за рубежом, повышение привлекательности собственных ценностей и национальной культуры в других странах. Кроме того, в рамках исследования используется подход, согласно которому общественная дипломатия может служить не только инструментом достижения глобальных целей внешней политики государства, но и примером практики разрешения международных конфликтов и угроз (Лебедева, 2015; Darnton, 2020).

В исследовании проводится контент-анализ открытых данных о деятельности российских НКО в области реализации проектов общественной дипломатии в приграничных регионах и используются результаты анкетного опроса населения Белгородской области (N=334), Смоленской области (N=333) и Республики Карелия (N=333), организованного в ходе социологического исследования «Общественная дипломатия приграничных регионов» в феврале–мае 2021 г.¹

Результаты исследования

В настоящее время в России функционирует большое число структур, выступающих акторами «мягкой силы» и публичной дипломатии. Крупнейшие из них созданы и полностью финансируются государством. Примером может служить созданное в сентябре 2008 года Россотрудничество, в структуру которого входит Управление общественной дипломатии, и основанный в 2010 году Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. К подобным организациям также относятся Российский совет по международным делам, Фонд «Русский мир» и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств–участников СНГ. Несмотря на то, что НКО, субъекты общественной дипломатии, являются «проводниками» внешней политики государства, их деятельность не обязательно должна быть напрямую подчинена органам государственной власти. В этой связи упомянутые организации относятся скорее к числу акторов публичной дипломатии, нежели общественной.

Общепринятой является практика, когда независимые НКО получают государственную поддержку и финансирование для реализации конкретных инициатив и проектов общественной дипломатии. В настоящее время основными грантодателями в данной сфере выступают Фонд поддержки публичной

¹ Использовалась квотная половозрастная выборка, соответствующая генеральной совокупности – населению регионов. Погрешность исследования составила не более 2,5%.

дипломатии им. А.М. Горчакова, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, а также Фонд президентских грантов, который выделяет средства на реализацию проектов по направлению «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Наибольший интерес представляет именно последний, поскольку только Фонд президентских грантов открыто публикует различную информацию о ходе грантовой кампании, поданных на конкурсах инициативах и поддержанных проектах, включая сумму финансирования. В этой связи для целей настоящего исследования была проанализирована активность НКО западного приграничья России в грантовых конкурсах фонда по направлению «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников».

С момента образования Фонда в 2017 году по данному направлению было выделено 392 гранта на общую сумму около 1,5 млрд рублей. НКО из Москвы получили менее половины грантов (158), а остальные были распределены между российскими регионами. Статистика участия НКО приграничных регионов представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Статистика участия НКО приграничных регионов в конкурсах Фонда президентских грантов по направлению «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» за 2017–2021 гг.

№	Субъект РФ	Общее число НКО	Число грантов по направлению «Общественная дипломатия и поддержка соотечественников»	Сумма привлеченных средств (рублей)
1.	Мурманская область	1037	6	14 382 051,0
2.	Республика Карелия	1325	12	21 282 387,0
3.	Санкт-Петербург	8965	17	61 381 260,5
4.	Ленинградская область	2007	0	0,0
5.	Псковская область	1055	5	12 957 024,0
6.	Смоленская область	1234	20	44 451 500,0
7.	Брянская область	1020	2	5 487 549,0
8.	Курская область	1607	0	0,0
9.	Белгородская область	1911	3	8 835 265,0
10.	Воронежская область	2695	1	1 186 221,6
11.	Ростовская область	4386	5	5 573 337,0
Сумма		27242	71	175 536 595,1

Источник: составлено авторами по данным сайта Фонда президентских грантов.

Лидерами по числу реализованных проектов в области общественной дипломатии являются Смоленская область, Санкт-Петербург и Республика Карелия, где реализовано более чем две трети от числа всех проектов общественной дипломатии. Как следует из представленных данных, в двух приграничных регионах – Ленинградской и Курской областях – отсутствует практика реализации проектов общественной дипломатии при поддержке Фонда. Можно предположить, что Санкт-Петербург, являясь одним из центров

сотрудничества с Прибалтикой и Финляндией, «стягивает» на себя большую часть инициатив в сфере общественной дипломатии из Ленинградской области.

Для дальнейшего исследования обратимся к методике расчета индексов эффективности общественных организаций на региональном уровне, предложенной В.П. Микитчуком (Микитчук, 2021). Данные показатели включают соотношение всего объема выделенных грантовых средств к общему числу общественных организаций в регионе и соотношение суммы социальных проектов к числу региональных НКО. Индекс социальной доходности рассчитывается следующим образом:

$$I_{\text{социальной доходности}} = \frac{\text{сумма привлеченных средств}}{\text{общее число НКО региона}}$$

В свою очередь, индекс вовлеченности региональных НКО в социальные проекты можно рассчитать по следующей формуле:

$$I_{\text{вовлеченности}} = \frac{\text{число заявок – победителей}}{\text{общее число НКО региона}}$$

Представленные показатели позволяют отразить эффективность практики социального проектирования в регионе, однако в данном случае мы будем использовать данные только по проектам общественной дипломатии, реализованными НКО приграничья (Таблица 2).

Таблица 2. Показатели эффективности деятельности НКО приграничных регионов, реализующих проекты в области общественной дипломатии

№	Приграничное положение	Субъект РФ	Средняя сумма гранта	Социальной доходности	Вовлеченности в проекты общественной дипломатии
1.	Финляндия и Прибалтика	Мурманская область	2397008,50	13868,90	0,00579
2.		Республика Карелия	1773532,25	16062,18	0,00906
3.		Санкт-Петербург	3610662,38	6846,77	0,00190
4.		Псковская область	2591404,80	12281,54	0,00474
5.	Республика Беларусь	Смоленская область	2222575,00	36022,29	0,01621
6.		Брянская область	2743774,50	5379,95	0,00196
7.	Украина	Белгородская область	2945088,33	4623,37	0,00157
8.		Воронежская область	1186221,60	440,16	0,00037
9.		Ростовская область	1114667,40	1270,71	0,00114
Сумма			2472346,41	6443,60	0,00261

Источник: составлено авторами.

Как следует из таблицы, безусловным лидером в области реализации проектов общественной дипломатии является Смоленская область. Несмотря на то, что регион занимает одно из последних мест по числу общественных организаций (1234), на его территории реализуется наибольшее число проектов общественной дипломатии. Их число даже выше, чем в Санкт-Петербурге, где зарегистрировано почти девять тысяч НКО.

В разрезе отдельных участков границы наибольшую эффективность демонстрируют регионы, граничащие с Финляндией и странами Прибалтики. При этом выделяется не только Санкт-Петербург, но и Республика Карелия, Мурманская и Псковская области. Данные субъекты занимают 2–4 места как по индексу социальной доходности, так и по индексу вовлеченности в процессы общественной дипломатии.

Из числа регионов, имеющих общую границу с Республикой Беларусь, высокие значения всех показателей зафиксированы в Смоленской области, которая показывает наибольшие результаты среди всех регионов Западного приграничья. Напротив, наименьшие значения выявлены в регионах, граничащих с Украиной, хотя именно в данных субъектах РФ развитие общественного сектора находится на достаточно высоком уровне. Так, например, Белгородская область традиционно входит в топ-5 субъектов по числу поданных проектов на конкурсы Фонда президентских грантов по всем направлениям². Также в вышеназванных регионах, в сравнении со значимой частью остальных территорий приграничья, зарегистрировано большее число некоммерческих организаций – потенциальных акторов общественной дипломатии.

Как уже отмечалось, согласно подходу российских исследователей, субъектами общественной дипломатии выступают НКО и гражданское общество. В этой связи большое значение имеет готовность населения принимать участие в реализации проектов общественной дипломатии, а также осведомленность о возможностях участия в таких проектах и основных международных программах, реализуемых в регионе. Так как понятие «общественная дипломатия» является новым для российской повестки и упоминается в публичном пространстве и СМИ относительно нечасто, этот термин должен быть в большей степени знаком населению приграничья, где сильны социокультурные связи и коммуникация с представителями других государств.

Это подтверждают и результаты социологического исследования, организованного в форме анкетного опроса в феврале–мае 2021 г. (N=1000). Так, в Белгородской и Смоленской областях готовы принимать участие в таких проектах около трети опрошенных. При этом в Республике Карелия выразили готовность принимать участие в проектах общественной дипломатии в два раза больше опрошенных, чем в других регионах (Таблица 3).

² Проекты Фонда президентских грантов. Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards> (дата обращения: 18.07.2021).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принимать участие в проектах общественной и народной дипломатии?»

№	Вариант ответа	Белгородская область	Смоленская область	Республика Карелия
1.	Да	36,9%	31,5%	62,0%
2.	Нет	30,1%	34,6%	23,4%
3.	Затрудняюсь ответить	33,0%	33,9%	14,6%

Источник: составлено авторами.

Как следует из приведенной таблицы, не выявлено прямой связи между числом реализуемых проектов общественной дипломатии в регионе и готовностью населения принимать участие в реализации таких проектов. Во многом это может быть связано с отсутствием у населения понимания термина «общественная дипломатия». Между тем жители регионов, вероятно, уже принимают участие в этих процессах посредством трансграничной коммуникации по различным направлениям.

Стоит отметить, что в отечественной научной мысли к настоящему времени не сформировалось единых представлений о структуре направлений не только общественной, но и публичной дипломатии. Так, М.М. Лебедева в качестве основных направлений публичной дипломатии на пространстве СНГ отмечает культурное, образовательное и молодежное сотрудничество (Лебедева, 2015). В докладе Российского совета по международным делам также отмечено образовательное направление, однако отдельно выделены экспертное и гуманитарное сотрудничество, а также цифровая дипломатия³. Анализируя реальную практику реализации проектов общественной дипломатии в Республике Карелия, Е.А. Шлапекко выделяет в качестве направлений образование, экологию, культуру и туризм (Шлапекко, 2017).

В свою очередь, мы постарались конкретизировать данные направления до форм общественной дипломатии, о которых могут быть осведомлены респонденты (Таблица 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных форм общественной дипломатии Вы знаете?» (вопрос с множественным выбором)

№	Вариант ответа	Белгородская область	Смоленская область	Республика Карелия
1.	Участие в волонтерских проектах	42,0%	41,4%	50,45%
2.	Экспертная работа	18,0%	8,4%	43,24%
3.	Общение в социальных сетях	21,6%	21,6%	24,92%
4.	Поддержка соотечественников в других странах	30,9%	30,6%	51,65%
5.	Участие в культурных и спортивных мероприятиях	27,0%	35,4%	51,65%

³ 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: аналитический доклад РСМД. Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/10-shagov-na-puti-k-effektivnoy-publichnoy-diplomatii-rossii/> (дата обращения: 18.08.2021).

6.	Участие в туристических программах	18,0%	19,5%	27,03%
7.	Участие в деятельности общественных организаций	35,4%	34,5%	52,85%
8.	Другое	0,3%	0,6%	0,60%
9.	Затрудняюсь ответить	19,2%	22,8%	11,11%

Источник: составлено авторами.

Несмотря на наличие сходств в ответах респондентов, в каждом регионе можно выделить особую специфику, отражающую сущность реализации общественной дипломатии на данной территории. Так, во всех трех регионах респонденты достаточно часто выбирали вариант ответа «Участие в деятельности общественных организаций». Например, в Республике Карелия его выбирали чаще всего (52,85%). Наиболее популярными же ответами в Белгородской и Смоленской областях стало участие в волонтерских проектах.

Важно отметить, что ни в одном из регионов респонденты не склонны выделять «Общение в социальных сетях» в качестве отдельной формы общественной дипломатии – данный вариант ответа отмечало существенно меньшее число опрошенных, чем большинство других вариантов ответов. Это свидетельствует о том, что общение в социальных сетях рассматривается респондентами скорее как повседневная цифровая практика, а не форма транскультурной коммуникации с представителями других государств. Можно говорить о том, что потенциал общественной дипломатии на цифровом пространстве, даже в приграничье, реализован не в полной мере, по крайней мере, в сравнении с прямым взаимодействием населения регионов.

Тем не менее, большинство респондентов во всех трех регионах отмечают, что использование инструментов общественной дипломатии в приграничном взаимодействии необходимо. Так считают 66,1% опрошенных в Смоленской области, 68,2% в Белгородской и 88,4% в Республике Карелия. При этом направления общественной дипломатии приграничных регионов, выделенные респондентами, в целом совпадают с приоритетами, которые отмечают представители отечественного научного сообщества (Таблица 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие из направлений общественной дипломатии необходимо поддерживать на региональном уровне при приграничном взаимодействии Евразийского союза?» (вопрос с множественным выбором)

№	Вариант ответа	Белгородская область	Смоленская область	Республика Карелия
1.	Развитие неправительственных международных организаций	33,3%	26,4%	37,24%
2.	Поддержка структур еврорегионов	26,1%	13,5%	25,53%
3.	Проведение научно-образовательных конференций, семинаров, форумов и т.д.	35,4%	38,7%	48,65%

4.	Организация культурных, спортивных, туристических мероприятий	36,9%	47,7%	48,95%
5.	Развитие связей между городами-побратимами и межмуниципальное сотрудничество	28,2%	37,5%	55,56%
6.	Развитие различных форм землячеств	17,1%	13,5%	9,01%
7.	Другое	0,6%	0,0%	0,30%
8.	Затрудняюсь ответить	15,9%	23,1%	15,02%

Источник: составлено авторами.

Так, в качестве основных направлений во всех трех регионах было определено проведение научно-образовательных конференций, семинаров, форумов, а также организация культурных, спортивных, туристических мероприятий. Вместе с тем, только в Республике Карелия в качестве основного приоритета было отмечено развитие побратимских связей. Во многом это обусловлено последовательным развитием сотрудничества с городами-побратимами. Так, в Петрозаводске представлена Галерея городов-побратимов, на Онежской набережной расположен Парк скульптур городов-побратимов, регулярно организуемые совместные мероприятия широко освещаются в СМИ и публичном поле. Результаты исследования лишь подтверждают значимость развития побратимских связей для городов приграничья и реальную пользу, которую видит в этом население.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволили выявить отсутствие прямой зависимости между активностью региональных НКО в реализации международных проектов и осведомленностью населения о процессах общественной дипломатии. В большинстве западных приграничных регионов получение поддержки Фонда президентских грантов является одной из основных возможностей реализации проектов общественной дипломатии. Однако именно на границе с Финляндией и Прибалтикой реализуется большое число различных программ, организованных при поддержке Европейского союза. В большинстве программ финансирование распределяется следующим образом: 50% составляет финансовая поддержка ЕС, 25% доля средств Финляндии и 25% доля России. И, если программы «Россия – Юго-Восточная Финляндия»⁴, «Коларктик»⁵ и «Интеррег. Регион Балтийского моря»⁶ направлены на развитие

⁴ Программа приграничного сотрудничества «Россия Юго-Восточная Финляндия». Available at: <https://www.sefrcbc.fi/ru/> (дата обращения: 09.07.2021).

⁵ Программа приграничного сотрудничества «Коларктик». Available at: <https://kolarctic.info/ru/> (дата обращения: 09.07.2021).

⁶ Программа «Интеррег. Регион Балтийского моря». Available at: <http://www.rnsc.leontief-centre.ru/5/> (дата обращения: 09.07.2021).

инноваций, поддержку экономики и конкурентоспособной среды, транспортные связи, охрану природных ресурсов, то Программа «Карелия»⁷ имеет следующие приоритеты, укладывающиеся в проблематику общественной дипломатии:

- привлекательный деловой климат в приграничных регионах;
- привлекательная культурная среда;
- чистый и комфортный для проживания регион;
- функционирующая система пересечения границы.

Первые три пункта направлены на формирование привлекательного образа, а последний – на стимулирование трансграничной культурной коммуникации, что является одним из основных преимуществ реализации проектов общественной дипломатии на приграничной территории.

При этом общее финансирование только программы «Карелия» за 2014–2020 гг. составило свыше 3 млрд рублей (43 002 108 €). Таким образом, за шесть лет на развитие общественной дипломатии только в одном регионе, пусть и с учетом прилегающих территорий, было затрачено средств больше, чем выделил за все время существования Фонд президентских грантов по направлению «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» на все субъекты РФ (1,5 млрд рублей). При этом подобные финансовые инструменты отсутствуют и в регионах, граничащих с Республикой Беларусь, и в субъектах, расположенных на границе с Украиной.

Можно говорить и о том, что интенсивность практики реализации международных проектов в Карелии определяет высокий уровень осведомленности населения об общественной дипломатии, ее формах и направлениях. Отечественные фонды и грантооператоры рассматриваются лишь как один из источников финансирования, который даже не является основным.

Интерес вызывает также и тот факт, что в ответах респондентов Смоленской и Белгородской областей не было выявлено существенных различий. Во-первых, мы имеем дело с регионами, где соотношение контактности и барьерности границ различается на несколько порядков. Российско-белорусская граница, пусть в период пандемии и усилилась дополнительными административными барьерами, но и в условиях настоящего времени остается сверхпроницаемой. В Белгородской области, напротив, уровень контактности границ в 2021 году достиг точки исторического минимума. К уже существующим проблемам, связанным с социально-политическими противоречиями на Востоке Украины, добавились ограничения, обусловленные распространением коронавирусной инфекции.

Во-вторых, существенно отличается и уровень социально-экономического развития приграничных областей. Если Белгородская область выступает одним из лидеров экономического роста страны, то Смоленск пока

⁷ Программа приграничного сотрудничества «Карелия». Available at: <https://kareliacbc.fi/ru> (дата обращения: 09.07.2021).

является одним из регионов, отстающим по темпам роста экономики. Хотя и нельзя не отметить, что экономическое развитие Смоленска сконцентрировано в пространстве транспортного коридора между Москвой и Минском (Сивакова, Ноздрева, 2016), а значит, снижение товарооборота между Российской Федерацией и Республикой Беларусь лишит регион основного фактора социально-экономического развития. Схожая ситуация наблюдается и в приграничных областях Украины и Беларуси. Харьковская область выступает одним из ключевых промышленных центров страны, в то время как Витебская и Могилевская области являются аутсайдерами по своему экономическому потенциалу (Межевич, Болотов, 2021).

В-третьих, существенно различается активность региональных НКО в области общественной дипломатии. В Смоленской области за последние четыре года было реализовано 20 крупных проектов в области общественной дипломатии при поддержке Фонда президентских грантов, в то время как в Белгородской области таких проектов было всего три. Объем привлеченных средств на такие проекты в Смоленской области также выше – более чем в пять раз. Отметим, что Смоленская и Белгородская области не являются участниками крупных международных программ, сравнимых с теми, что реализуются в Республике Карелия.

Однако, несмотря на все вышеназванные различия, результаты социологического исследования продемонстрировали, что осведомленность и готовность населения участвовать в процессах общественной дипломатии находятся примерно на одном уровне. При этом в Смоленской области, несмотря на большую активность НКО, данные показатели даже чуть ниже.

По нашему мнению, источником такого противоречия может являться социокультурная близость населения. И российско-белорусское, и российско-украинское приграничье характеризуется высоким уровнем этнокультурной общности населения, что выражается как в единстве общих базовых ценностей, так и в сходстве множества объектов идентичности (Бабинцев и др., 2017). В свою очередь, объектом общественной дипломатии чаще всего выступает не просто социум другого государства, но и иная этнокультурная общность, представители качественно другой культуры. И если на уровне профильных НКО или экспертного сообщества различия очевидны, то население может просто не воспринимать представителей соседних приграничных регионов как объект общественной дипломатии.

В Смоленской области большое влияние также оказывает один из самых высоких уровней контактности и проницаемости границ на всем постсоветском пространстве. Те формы взаимодействия населения, которые могли бы расцениваться как примеры общественной дипломатии, переходят в разряд повседневных практик транскультурной коммуникации на уровне внутригосударственного межрегионального сотрудничества.

Тем не менее, практика общественной дипломатии, как на уровне НКО, так и в форме трансграничной коммуникации населения, может стать эффективным инструментом снижения различных социокультурных угроз, свойственных приграничью.

Отечественными исследователями неоднократно отмечался потенциал современных форм дипломатии для разрешения конфликтов. При этом его основу составляет переориентирование инструментария общественной дипломатии с традиционных положений о привлекательности собственной культуры к последовательному развитию диалога и взаимодействия (Бахриев, 2018).

Данный тезис еще более актуален для приграничных регионов, где происходит взаимодействие культур и этносов или, напротив, некогда единые этнокультурные общности разделены государственными границами. В этом случае речь идет о социокультурных угрозах пространства фронта, под которым понимается незримая пространственная область, в пределах которой распространяется общность этнокультурной идентичности населения, выходящая за пределы государственных границ.

В свою очередь, решающее влияние на формирование этнокультурной общности оказывают как единство культурно-исторического развития определенного региона, так и высокий уровень трансграничной коммуникации населения, который позволяет в ходе инкультурации осваивать объекты, ценности и нормы других этносов и культур.

С одной стороны, приграничье России с Финляндией и Прибалтикой является пространством взаимодействия различных социокультурных общностей. На данной территории имеет место формирование фронтальной идентичности, которая представляет собой характерный для человека или группы комплекс представлений, в которых «свои» ценности и символы воспринимаются преимущественно как потенциально уязвимые, требующие системной мобилизации защитных ресурсов, а референты рассматриваются как носители опасностей и угроз (Бабинцев и др., 2016). Дальнейшее наращивание инкультурации в данном регионе может повлечь за собой локализацию региональных идентичностей населения приграничных регионов России.

С другой стороны, на пространстве российско-украинского и российско-белорусского приграничья проявляются весьма близкие социокультурные общности, а увеличение барьерности межгосударственных границ может болезненно разделить единый социокультурный ландшафт, примером чему являются последствия социально-политических противоречий на Востоке Украины.

В этой связи на пространстве приграничья общественная дипломатия должна не только быть направлена на достижение внешнеполитических национальных целей, но и обеспечивать снижение социокультурных угроз, которые проявляются именно в приграничных регионах.

Заключение

Проведенный анализ дает возможность выработать ряд рекомендаций, которые позволят не только повысить эффективность реализации проектов общественной дипломатии в приграничных регионах, но и сконцентрировать деятельность ее основных акторов на снижение социокультурных угроз, характерных для западного пограничья России.

Во-первых, возникает четкая необходимость в формировании единой концепции общественной дипломатии не только на общенациональном уровне, но и по отношению к приграничным регионам. К настоящему времени НКО как ключевые акторы общественной дипломатии руководствуются только собственными представлениями о национальных целях внешней политики России. Задачи, которые ставит государство перед общественным сектором, весьма размыты и не определены. Не учитывается и специфика международного сотрудничества на приграничье во всем его многообразии. В этой связи необходимо сформировать концепцию общественной дипломатии, учитывающую особенности реализации проектов в данной сфере на пространстве приграничных регионов.

Во-вторых, для дальнейшего развития общественной дипломатии на приграничном пространстве требуются финансовые инструменты качественно другого уровня. Практика финансирования программ приграничного сотрудничества ЕС только в нескольких регионах многократно перевешивает все совокупные инструменты поддержки общественной дипломатии во всей остальной части России. Необходимо обеспечить формирование государственной поддержки российской общественной дипломатии, хотя бы частично соизмеримой с практикой европейских стран.

В-третьих, к настоящему времени отсутствует единый институт, координирующий деятельность НКО в области реализации проектов общественной дипломатии, в том числе и на пространстве приграничных регионов. Основу здесь должна составить консультационная, информационная и экспертная поддержка деятельности НКО приграничья, которая позволит им осуществлять скоординированную деятельность в области общественной дипломатии. В этой связи целесообразно создание общего ресурсного центра для развития общественной дипломатии и использования всего потенциала приграничных регионов.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Сапрыка В.А., Быхтин О.В., Пастюк А.В. (2017) Интеракция культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины. *Вестник славянских культур* 43: 9-23.
2. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Бабинцева Е.И. (2016) Российско-украинское приграничье как пространство формирования новых идентичностей. *Средние и малые города приграничных регионов*. Под ред. В.П. Бабинцева. Белгород: НИУ «БелГУ». С. 27-51.

3. Бахриев Б.Х. (2018) Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология* 18(2): 189–194.
4. Лебедева М.М. (2015a) Возможности и ограничения публичной дипломатии в урегулировании конфликтов. *Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)*. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет. С. 212–216.
5. Лебедева М.М. (2015b) Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов. *Международные процессы* 13(4): 45–56.
6. Межевич Н.М., Болотов Д.А. (2021) Двойная периферия: феномен российско-белорусского пограничья. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития* 1: 117–122.
7. Микитчук В.П. (2021) Инвестиции в общественный сектор как возможность привлечения финансирования на реализацию социальных проектов в регионах и муниципалитетах. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право* 2: 31–41.
8. Мухаметов Р.С. (2013) Общественная дипломатия: сущность, акторы и методы работы. *Развитие политических институтов процессов и технологий: отечественный и зарубежный опыт*. Омск: Изд-во ОмГУ. С. 99–103.
9. *Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание* (2017). Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс». 272 с.
10. Сапрыка В.А., Бабинцев В.П., Вавилов А.Н. (2019) Россия и Украина: противоречия постсоветского приграничного хронотопа. *Вестник Российской нации* 3(67): 59–69.
11. Сивакова С.Ю., Ноздрева И.Е. (2016) Развитие экономики региона на основе кластерного подхода. *Науковедение* 8(1): 1–16.
12. Торкунов А.В. (2006) Наука о разумных отношениях. *Стратегия России* 3: 49–50.
13. Шлапек Е.А. (2017) Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве. *Ойкумена. Регионоведческие исследования* 1(40): 152–162.
14. Шлапек Е.А. (2018) Проблематика формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье. *Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации*. Курск: Курский государственный университет. С. 257–262.
15. Cull N. (2009) Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Ed. by N. Snow and Ph.M. Taylor. New York: Routledge. P. 19–23.
16. Darnton C. (2020) Public Diplomacy and International Conflict Resolution: A Cautionary Case from Cold War South America. *Foreign Policy Analysis* 1: 1–20.
17. Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.
18. Princen T., Finger M. (1994) *Environmental NGOs in World Politics: Linking the Local and the Global*. New York: Routledge. 198 p.
19. *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (2009). Ed. by N. Snow and Ph.M. Taylor. New York: Routledge. 486 p.

PUBLIC DIPLOMACY POTENTIAL OF THE BORDER REGIONS TO REDUCE THE SOCIO-CULTURAL THREATS OF THE WESTERN BORDERLANDS OF RUSSIA

Dr **Viktor A. SAPRYKA** – Associate Professor, Head, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

ORCID: 0000-0003-0506-3644. E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

85/12 Pobedy Str., Belgorod, Russia, 308015.

Dr **Alexander V. PASTYUK** – Senior Lecturer, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

ORCID: 0000-0002-5276-354X. E-mail: pastyuk_a@bsu.edu.ru

85/12 Pobedy Str., Belgorod, Russia, 308015.

Valery V. SOLOKHA – Postgraduate student, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

E-mail: 1266436@bsu.edu.ru

85/12 Pobedy Str., Belgorod, Russia, 308015.

Acknowledgements. The article was prepared in support of the Grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – doctors of Sciences MD-578.2020.6 «Socio-cultural threats to the transformation of civilizational frontiers in the post-Soviet chronotope».

Received March 1, 2022

Accepted January 18, 2023

Abstract: The article discusses the public diplomacy potential to reduce the socio-cultural threats of the border regions located on the western borders of Russia. The key problem in the context of the deep transformation of the post-Soviet socio-cultural landscape is that at the level of cross-border interaction, public diplomacy acquires a special meaning and significant potential. The socio-cultural proximity of local and ethnic communities of the border region significantly increases the opportunities for public diplomacy in the format of cultural exchange. Acting as a tool for achieving the global goals of the state's foreign policy, public diplomacy can be used in the practice of resolving international conflicts and threats. For the first time, the results of sociological diagnostics of the readiness of the border territories population to participate in the implementation of public diplomacy projects, awareness of the forms of public diplomacy and the possibilities of participation in such projects and major international programs implemented in the regions, as well as the effectiveness of non-profit organizations of border regions implementing projects in the field of public diplomacy are presented. The article explores the specification of the directions and forms of public diplomacy at the regional level in the cross-border interaction of the Eurasian Union, the importance of the development of twinning relations for border cities is noted, the importance of the practice of public diplomacy, both at the level of non-profit organizations and in the form of cross-border communication of the population to reduce various socio-cultural threats inherent in the border area is emphasized. The close attention is paid to the interaction of cultures and ethnic groups of border regions, once unified ethno-cultural communities separated by state borders. The authors touch upon the socio-cultural threats of the frontier space – an invisible spatial area within which the common ethno-cultural identity of the population extends

beyond the state borders. In the final part of the article the conclusions are presented on the main results and recommendations that will not only increase the effectiveness of public diplomacy projects in the border regions, but also concentrate the activities of its main actors on reducing socio-cultural threats characteristic of the western borderlands of Russia.

Keywords: public diplomacy, border regions, international cooperation, cross-border interaction, socio-cultural threats, non-profit organizations, social projects

References:

1. Babincev V.P., Sapryka V.A., Byhtin O.V., Pastjuk A.V. (2017) Interakcija kul'turno-civilizacionnyh identichnostej naselenija prigranichnyh regionov Rossii i Ukrainy [Interaction of cultural and civilizational identities of the population of the border regions of Russia and Ukraine]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures] 43: 9–23. (In Russian).
2. Babincev V.P., Ushamirskaja G.F., Babinceva E.I. (2016) Rossijsko-ukrainskoe prigranich'e kak prostranstvo formirovaniya novyh identichnostej [Russian-Ukrainian borderland as a space for the formation of new identities]. *Srednie i malye goroda prigranichnyh regionov* [Medium and small towns in border regions]. Ed. by V.P. Babincev. Belgorod: NIU «BelGU». P. 27–51. (In Russian).
3. Bahriev B.H. (2018) Publichnaja diplomatija v uregulirovanii konfliktov: vozmozhnosti dlja Central'noj Azii [Public Diplomacy in Conflict Resolution: Opportunities for Central Asia]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Sociologija. Politologija* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology] 18(2): 189–194. (In Russian).
4. Lebedeva M.M. (2015a) Vozmozhnosti i ogranichenija publichnoj diplomatii v uregulirovanii konfliktov [Opportunities and limitations of public diplomacy in conflict resolution]. *Problemy nacional'noj bezopasnosti v usloviyah globalizacii integracionnyh processov (mezhdisciplinarnye aspekty)* [Problems of national security in the context of globalization of integration processes (interdisciplinary aspects)]. Erevan: Rossijsko-Armjanskij (Slavyanskij) universitet. P. 212–216. (In Russian).
5. Lebedeva M.M. (2015b) Publichnaja diplomatija v uregulirovanii konfliktov [Public diplomacy in conflict resolution]. *Mezhdunarodnye processy* [International processes] 13(4): 45–56. (In Russian).
6. Mezhevich N.M., Bolotov D.A. (2021) Dvojnaja periferija: fenomen rossijsko-belorusskogo pogranich'ja [Double periphery: the phenomenon of the Russian-Belarusian borderland]. *Jekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitija* [Economy of the North-West: problems and development prospects] 1: 117–122. (In Russian).
7. Mikitchuk V.P. (2021) Investicii v obshchestvennyj sektor kak vozmozhnost' privlechenija finansirovaniya na realizaciju social'nyh proektov v regionah i municipalitetah [Investments in the public sector as an opportunity to attract financing for the implementation of social projects in regions and municipalities]. *Aziatsko-tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law] 2: 31–41. (In Russian).
8. Muhametov R.S. (2013) Obshchestvennaja diplomatija: sushhnost', aktory i metody raboty [Public diplomacy: essence, actors and methods of work]. *Razvitie politicheskikh institutov processov i tehnologij: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt* [Development of political institutions of processes and technologies: domestic and foreign experience]. Omsk: Izd-vo OmGU. P. 99–103. (In Russian).
9. *Public diplomacy: Theory and practice: Scientific publication* (2017). Ed. by M.M. Lebedeva. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 272 p. (In Russian).

10. Sapryka V.A., Babincev V.P., Vavilov A.N. (2019) Rossiya i Ukraina: protivorechija postsovetskogo prigranichnogo hronotopa [Russia and Ukraine: contradictions of the post-Soviet border chronotope]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation] 3(67): 59–69. (In Russian).
11. Sivakova S.Ju., Nozdreva I.E. (2016) Razvitie jekonomiki regiona na osnove klasterного podhoda [Development of the regional economy based on the cluster approach]. *Naukovedenie* [Scientific studies] 8(1): 1–16. (In Russian).
12. Torkunov A.V. (2006) Nauka o razumnyh otnoshenijah [The Science of Reasonable Relations]. *Strategija Rossii* [Russian strategy] 3: 49–50. (In Russian).
13. Shlapenko E.A. (2017) Institut obshhestvennoj diplomatii i ego mesto v transgranichnom sociokul'turnom prostranstve [The Institute of public diplomacy and its place in the cross-border sociocultural space]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ecumene. Regional studies] 1(40): 152–162. (In Russian).
14. Shlapenko E.A. (2018) Problematika formirovaniya transgranichnogo sociokul'turnogo prostranstva v rossijsko-finljandskom prigranich'e [Problems of formation of trans-border socio-cultural space in the Russian-Finnish borderland]. *Strategija razvitija prigranichnyh territorij: tradicii i innovacii* [Development strategy for border areas: traditions and innovations]. Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet. P. 257–262. (In Russian).
15. Cull N. (2009) Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Ed. by N. Snow and Ph.M. Taylor. New York: Routledge. P. 19–23.
16. Darnton C. (2020) Public Diplomacy and International Conflict Resolution: A Cautionary Case from Cold War South America. *Foreign Policy Analysis* 1: 1–20.
17. Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.
18. Princen T., Finger M. (1994) *Environmental NGOs in World Politics: Linking the Local and the Global*. New York: Routledge. 198 p.
19. *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (2009). Ed. by N. Snow and Ph.M. Taylor. New York: Routledge. 486 p.